

Андрей ФРОЛОВ

***НАД КРЫШЕЙ
СНОВА АИСТЫ***

2001

По русской дороге

РОДИНА

Дойдешь до черного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мать...а мать ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у черного столба, -
Нет выше долга.

ОГОНЬКИ

На округу вечер лёг
Шапкой-невидимкой.
Но не гаснет огонёк
За туманной дымкой.

Свет ли позднего окна,
На лугу костер ли?
Комом смутная луна
Застревает в горле.

И когда невмочь от бед,
И надежды нету,
Сквозь туман идешь на свет
И выходишь к свету.

Как спасенье от тоски
И примета силы,
Золотятся огоньки
В пасмурной России.

ОТЕЦ

То скромн, то бедов,
Но праведен трудами.
Плоды его трудов
Весомее с годами.

Всей улице знаком,
А может – всей округе.
Легки над верстаком
Его большие руки.

Идет в универсам,
Кивая встречным:
- Здрате!..
Ответственным за счастье
Собой назначен сам.

Жизнь торопя свою,
Судьбе не даст поблажки.
Всё чаще узнаю
В себе его замашки.

ПОЛОВОДЬЕ

Прибывает вода... Половодье!
Это вам не какой-то курьёз!
Словно бросил Создатель поводья,
И Природа пустилась вразнос!

Завертела, взыграла, запела!
Пробудила от спячки умы
И взялась разбазаривать смело
Накопления долгой зимы.

И Ока теперь, что тебе Волга –
Вплавь пустились дома и сады.
И хмелеет душа от восторга
Перед праздником полой воды!

ВЕСЕННИЙ ПРИЛЕТ

Ещё не проснулись веселые воды,
Но стал уже рыхлым коричневый лёд.
Дыханием птиц непонятной породы
Задернут, как шторой, седой небосвод.

Семейства, отряды смешались и машут
Единым, напористым, мощным крылом;
И сквозь облаков подгорелую кашу
В бесстрашном порыве идут напролом.

Захвачен всеобщим весенним движеньем,
Поняв, что покою бывает предел,
Мой город отпущен земным притяженьем:
Сорвался с фундаментов и полетел!..

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОК

Кряхтел стареющий автобус.
И что за сила вдаль влекла?
На жизнь оседлую озлобясь,
Мы выезжали из Орла.

Тянулись слева бесконечной
Широкой черной полосой
Поля.

И небосвод отечный
Грозил обрушиться грозой.

А справа, втиснутые в ёлки,
Как инородные тела,
Мелькали дачные посёлки...
Мы выезжали из Орла.

НА КОЛХОЗНОМ РЫНКЕ

Баба потным взглядом
Смотрит свысока:
Мужичонка рядом,
Хоть и пьян слегка.

Он сорвал ромашку,
Преподнес жене, –
Шансы на рюмашку
Выросли вдвойне.

Взгляд у бабы страстен:
- Что хочешь проси...
Много ли для счастья
Нужно на Руси?

* * *

Ветер. Сегодня ветер
Листья срывает с ветел.
Воздух упруг и светел,
Весел и беззаботен.
Легкой упряжкой, цугом,
Вскачь из былых столетий
Мчат облака над лугом...
Ветер.
Сегодня ветер.

ДЕРЕВЕНСКАЯ КРАСОТКА

Гладью вышита рубашка,
Юбка-клёш – китайский шёлк.
Хороша собой Наташка!
Ей семнадцатый пошёл.

Из глазёнок брызжут бесы,
С губ струится сладкий яд.
Все окрестные повесы
Обезврежены подряд.

Промелькнула вдоль подворья,
Задержалась у плетня
И – какое, право, горе! –
Не взглянула на меня.

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
Невзирая на серенький дождь,
Шумно, весело едет венчаться
Из обеих семей молодежь!

Чинны сваты, задиристы сваты,
Поцелуи по-русски – взасос,
На невесте шикарное платье,
Море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
Пир горой...

Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
Почитай, уже есть третий дом!

«СЕРП И МОЛОТ»

За углом большого города,
Незаслуженно забыт,
Жил колхоз «Серпа и Молота»,
Обустроивал свой быт.

Жал хлеба серпами острыми
И выковывал плуги,
Выл по-бабьи над погостами,
Отрабатывал долги.

Бормотал чего-то в бороду
И глядел из-за угла,
Как легко громада города
Вширь и ввысь росла, росла...

Небо надвое расколото
Многоточием столбов.
Ни серпа теперь, ни молота,
Ни плугов и ни хлебов.

КОСТОМАРОВКА

Между городом и селом
Свой особый блюдет уклад.
Говорят, что идёт на слом –
Тридцать лет уже говорят.

Но всё так же сады цветут,
Так же горло дерёт петух,
Тот же крепкий в домах уют
И ванильный на Пасху дух.

Всяко горе здесь не беда –
По-крестьянски народец прост,
Но усопших несут всегда
На большой городской погост.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, -
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшит пацанву:
- Вот ужо, кого спымаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
- Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

БЫЛИНЫ

Селеньице Былины.
Ухабы да бугры.
Здесь больше половины –
Бесхозные дворы.

Давно деревню эту
Метлой житейских вьюг
Развеяло по свету,
Не тронув лишь старух.

Куда пойдешь от дома,
В котором прожил век,
Где тишина знакома,
Как близкий человек?

Не гаснут в хатах свечи,
Блюдутся все посты.
До города – далече,
До неба – полверсты.

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
Пропадут понапрасну труды, –
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звезды ему.

ИЮЛЬСКИЕ СТИХИ

1. НОЧЬ

Вышла из-за облака луна,
Озарив округу бледным светом.
Крикнешь, и ночная тишина
Выстрелит раскатистым дуплетом.

Ото сна встряхнет речную гладь,
Распугав ватагу юрких бликов,
И сомкнется наглухо опять –
До зари, до первых птичьих криков...

2. УТРО

Старый пруд, затерянный в глуши.
У воды ракиты прикорнули.
Браво, в три шеренги, камыши
Замерли в почетном карауле.

Резкий взмах пружинистой удой –
Чуть с оттяжкой влево, как учили, –
Снасть несётся пулей над водой
И, блеснув, скрывается в пучине.

Гаснет рябь от лёгкого шлепка.
Жду, волнуясь, первого успеха.
Тишина настолько глубока,
Что не возвращает даже эха.

БЕЗ ХОЗЯИНА

Домик жметя, чуть живой,
К сгорбленному тыну.
Вон как двор зарос травой –
Хоть паси скотину.

Разветвилась лебеда –
Тень на пол-России.
Разве было так, когда
 Был хозяин в силе?

А хозяин не таил
Горечь дум последних:
- Дом бы жил ещё и жил,
Кабы был наследник...

СТОРОЖ КОЛХОЗНОГО САДА

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину шагов сто двадцать,
Двести семьдесят - в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

В ЛЕСНИЧЕСТВЕ

В окружении сумерек синих
Этот дом, будто света пятно.
Отступает к оврагу осинник
И по склону сползает на дно.

Старичок в телогрейке дырявой
На крыльцо обветшалое взлез,
Смотрит из-под ладони корявой
На притихший в покорности лес.

Различает хозяйственным оком
Непорядок в любом далеке.
Невдомек оголтелым сорокам,
Что за сила живет в старике.

ОТЪЕЗД

Поцелуи, прощальные речи:
«Как доедешь – письмо напиши!..»
По стакану – за скорую встречу
И для снятия камня с души.

Снисходительный взгляд проводницы:
Мол, решать-то единственно ей –
Дать возможность спокойно проститься
Или поезд отправить скорей.

Что-то всё-таки не досказали,
Что-то всё же недорешено...
Загрустило родными глазами
Отъезжающее окно.

БЕЛЫЕ БЕРЕГА

Памяти Николая Ивановича Родичева

Проводница уж так строга,
Будто главная в МПС.
Еду в Белые Берега
Сквозь насупленный Брянский лес.
Там песок побережный бел,
Точно сахарный рафинад!
У меня там всего-то дел,
Что рыбалка да променад
По исконно грибным местам –
Там чудес и красот – не счесть!
Если нету чего-то там,
Уж не знаю, где это есть...
В ожиданье к стеклу приник,
Чай в стакане остыл давно.
Проводницы тигриный рык
Не даёт распахнуть окно,
За которым светлеет мга.
Разветвляется путь стальной –
Вот и Белые Берега!
Проводница, махнём со мной!..

10 августа 2002г.

ЮЖНЫЙ ЭТЮД

На черноморском побережье,
В изножье каменной гряды,
Цветут ещё пышней, чем прежде,
Благословенные сады.

Живет здесь девушка Людмила
Среди больших пунцовых роз,
И загорелое светило
Ей шелушит пыливый нос.

Спешит её босая юность
Сквозь неумолчный строй цикад.
Дорога к морю изогнулась,
Растёкся по небу закат.

Волна прилива отступает,
Не остудив тягучий зной.
Людмила Пушкина читает,
Полупридуманная мной.

ГРУЗОВАЯ

1. Утро

Дробный пробег трамвая,
Окон неяркий свет –
Улица Грузовая
Гнётся под грузом лет.

Улочки невеликой
Знатный абориген,
Батя скрипит калиткой,
Валенки до колен.

Заново узнавая,
Смотрит из-под руки:
Улица Грузовая,
Тусклые огоньки.

2. Вечер

Пахнет вареньем клубничным
И самоварным дымком.
В ярком трико заграничном
Вылез на свет уличком.

У доминошников ярых
Неиссякаем задор.
В местных, незлых, кулуарах
Бабки ведут разговор:

- Давеча было такое,
Даже не верю сама!..
Сделав зигзаг над рекою,
Сумерки лезут в дома.

3. Полночь

Улочка, наспех запорами клацая,
Бредит, ко сну отходя.
Пряный настой расплескала акация
После шального дождя.

Неподалеку прононсом диспетчера
Сонно бормочет вокзал.
Стихло.

 Стыдливо из Космоса вечного
Месяц рога показал.

Дедова липа над крышей сутулится,
Скрыв от напастей жильё...
Если бы этой и не было улицы,
Я бы придумал её!

СОСЕД

В прошлом – инструктор обкома,
Ныне – сутулая тень,
Прочно сидит возле дома,
Облокотясь о плетень.

Став одиозной фигурой,
Сник прошлогодней травой.
Он – ни веселый, ни хмурый,
Будто бы и неживой.

Изредка выстрелит кашлем,
Изредка вздрогнет во сне.
Мыслями – в светлом вчерашнем,
Телом – в сегодняшнем дне.

КУРСАНТ – ПЕРВОКУРСНИК

На ушах околыш черный,
Солнца блик на козырьке.
Шея вертится проворно
В отложном воротнике.

Он вчера – десятиклассник,
Завтра – младший офицер.
Продолжающийся праздник
Нарисован на лице.

Встречным девушкам - улыбки,
Патрулю – большой привет.
Шаг ведёт, пока что зыбкий,
К славе будущих побед.

ПО ДОРОГЕ НА ДАЧУ

В гору трудно, тяжело
Тащит дед велосипед.
По причине груза лет
Не забраться на седло.

По дуге обходит грязь,
Вспоминает об одном:
Как, трезвоня и смеясь,
Ехал с горки пацаном.

Вырисовывая штрих,
Трет обочину педаль.
Впереди – такая даль,
За спиной – лишь яркий миг.

УРАГАН

Пронесся, черта злей, -
У нас такие редки,
Оставил тополей
Поверженные ветки,
Измятую сирень
В разомкнутых пределах
И крыши – набекрень –
Домишек обалделых.
Подался на восток
Командовать ветрами.
Притихший городок
Зализывает раны.

ТУМАН НА ОКЕ

Неожиданно вальяжен
И расплывчат, как намёк,
Не примериваясь даже,
По-хозяйски прочно лёг
На холодный камень пирса,
На сигнальные буйки...
Не понять: с небес спустился
Или всплыл со дна реки?

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай, -
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажно и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

* * *

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный - упруг.

Ночная тревожная птица
Визгливо ругает росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

СЕНТЯБРЬ

День покуда ясен,
Небосвод высокий.
Рыжегривый ясень
Оттенён осокой.

Камыши скрипуче
Клонятся над поймой.
У далекой тучи
Вид слегка разбойный.

Кажется возможным
Полететь, как птица...
Русь ещё тревожным
Хлебом колосится.

* * *

Холодает.

Судорожно птицы
Рвут на части сумеречный воздух.
Дальние пугливые зарницы
Оседают инеем на звездах.
Сквознякам залетным на потеху
Грач зашелся кашляющим плачем.
Гулкое, пронырливое эхо
Беспардонно шастает по дачам.
Холодает.

Стынет.

Но при этом
Жизнь для всех желанной остается,
А тепла, накопленного летом,
Хватит нам до будущего солнца.

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почуяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

ПРЕДЗИМЬЕ

Спят за увалом поля,
Осенью переболели.
Перебродила земля
Выдохом гнили и прели.

Зябко нахохлился стог,
Ворохом ломких смятений.
Тучи бегут на восток,
Бросив в лугах свои тени.

Стынет на склоне холма
Полуразобранный трактор.
В теплой ушанке зима
Гулко шагает по тракту.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
Запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
- Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Смешно. Он три прошел когда-то,
И нет надежнее солдата
Ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
Не обходилась так судьбина
Ни с кем: сперва лишила сына,
Затем - поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредет, как в полусне.

Кузьмич бредет, как в полусне,
Туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль приперся,
То, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
Отдаст всё это по весне.

ЗА ХЛЕБОМ

Хрустит под лыжами снежок,
Как пересохшая бумага, –
Я совершаю марш-бросок
До поселкового сельмага.

Всего-то восемь верст пути –
Лыжня не даст с дороги сбиться,
А ты попробуй их пройти,
Когда мороз уже за тридцать.

Дубы промерзли добела,
Березы судорожно-звонки.
А тень моя вперед ушла,
Как явный лидер этой гонки.

Лечу в сугроб на вираже,
За воротник вползает холод...
Видна околица уже,
И я смеюсь, поскольку – молод!

* * *

Сноровисто скрипят по снегу сани.
Ворчит на неуступчивый мороз
Возница с генеральскими усами,
Прогорклыми от дымных папирос.

А мы лежим в колючем, хрустком сене,
Хранящем прошлогоднее тепло,
И едем в незнакомое доселе
Дремучее сибирское село.

И нас везут не кони, а драконы –
Не пар, а дым клубится из ноздрей.
Мы сказочным предчувствием влекомы –
Доехать бы, доехать бы скорей!..

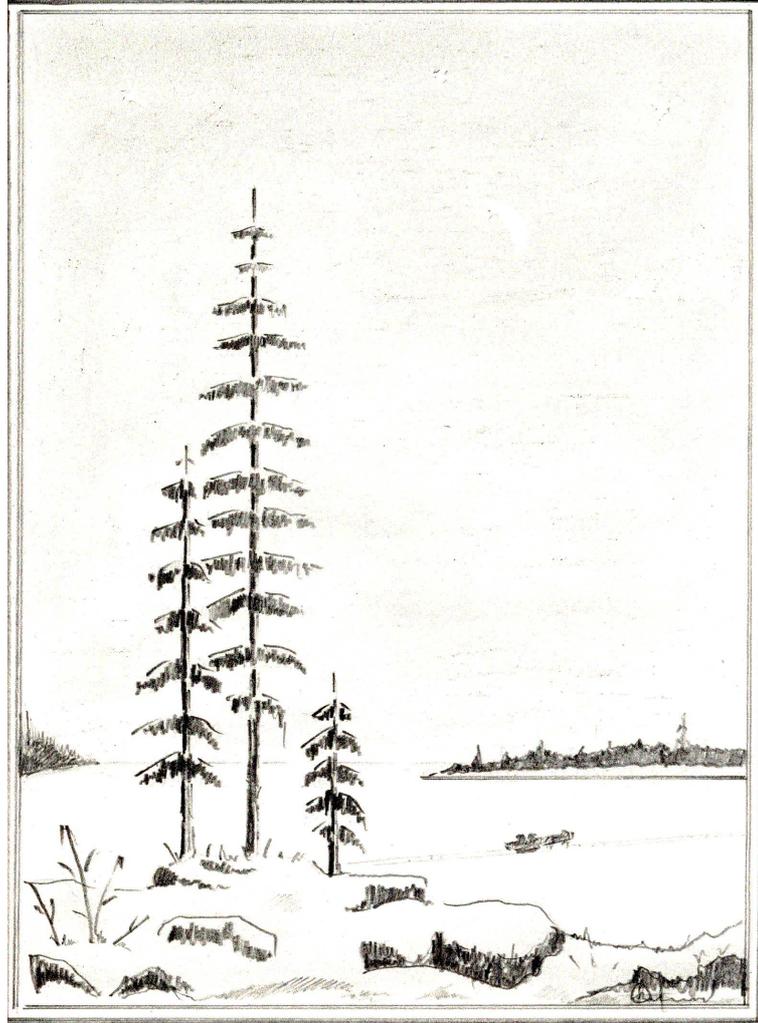
Но путь далёк. Смежаются ресницы.
Сливаются в тягучий, долгий миг
И снега скрип, и говорок возницы,
И фырканье драконов вороных.

ДОМОЙ

Лошадь путь копытит споро –
На морозе звонок бег.
Слева - призрак косогора,
Впереди – без края снег.

Лес подвинулся правее
И местами стал седым.
А над лесом багровеет
Даль, завернутая в дым.

Не пугает бездорожье
Снежной русской зимой.
Я бросаю кнут и вожжи –
Все пути ведут домой!

НА ОХОТЕ

Лёг на озеро ледок,
шелестит позёмка.
Дед Иван ещё ходок,
слева – внук Артёмка.

Дед лесную знает жизнь
и без академий,
он торопит:
 - Шевелись,
Иванов Артемий.
Здесь давно не пуган зверь,
вот пройдем овраги –
заяц там...Уж ты поверь
старому бродяге.
Побежит – гляди, не спи –
он умеет драпать –
с упреждением лупи
метров, этак, на пять...

Лес притих, сгущая мрак,
кронами синяя.
Две лыжни ведут в овраг,
правая – ровнее.

* * *

В январе, беспокоясь о лете,
Дед почесывал хитрую бровь:
- Всё изменчиво, парень, на свете,
Ты, давай-ка, телегу готовь.
И с колючей смешинкой смотрели
Голубые глаза на меня...
Дед три дня не дожил до апреля.
Как морозило эти три дня!
Но кончины своей накануне
Улыбнулся морщиною рта:
- Не забудь за жарою июня
На санях заменить два болта...

КОЛОКОЛ

Зримо, истово, весома
С неба льётся Благовест.
Неспеша, от дома к дому
Растекается окрест –
Как спасительное миро,
Как речение волхва,
Возвещающее миру
Светлый праздник Рождества!

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Уснула на зиму Ока,
Перепоясавшись лыжнёй.
Чернеет клякса рыбака,
Вооруженного пешнёй.

Заявкой робкой на успех –
Четыре льдинки-окунька.
Негромко вскрикивает снег,
Попав под тяжесть каблука.

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

На стекле распят, как мошка,
Ближних не корю –
Продышал себе окошко
И на мир смотрю:
Тени, сумерки, сугробы,
Пес, едва живой,
Две приметные особы,
Сонный постовой,
Вереница магазинов,
Мост, ряды перил...
Засмотрелся, рот разинув,
И сойти забыл.

ДЕРЕВО

Ветер разметал по парку тени.
Взвыло, закружило, замело...
Даже в бесприютности метели
излучает дерево тепло.

Подойдешь, захочешь отогреться
и, руками трогая кору,
слышишь,
 как гудит большое сердце,
чуть сбиваясь с ритма на ветру.

И неважно, – дуб или осина,
лишь приблизишь стылую ладонь, –
под рукой дымится древесина
и в тебя вливает свой огонь.

КОГДА-НИБУДЬ

Стало в городе постыло,
Я подамся до села –
Там жила прабабка Мила,
Очень правильно жила.

А когда туда приеду,
Как в насмешку над собой,
Заведу за жизнь беседу
С покосившейся избой.

Мне расскажут половицы
Про скрипучий свой недуг,
И ворчливо забранится
Старый бабушкин сундук:

- До каких таких пределов
Под замком добро стеречь!?!..
И дымком заплесневелым
Поперхнется гулко печь.

И прабабушка к обеду
Выйдет, памятью светла...
Я когда-нибудь приеду,
Наплевав на все дела.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
- Спаситель воскрес!..

1812 год. ОТСТУПЛЕНИЕ

Вязнет карета в российских снегах.
Спит полководец, обернутый пледом.
Мертвая армия тащится следом,
Ключья позора неся на штыках.

Черное солнце в багровом дыму,
Ветра степного жестокие плети...
Бредится карлику в тряской карете:
«Эту страну не подмять никому...»

ПЛЕННЫЕ **(рассказ отца)**

В глухом колодце тишины
Лишь шарканье шагов –
Ведут врагов моей страны,
Ведут моих врагов.

Голодных, грязных и больных,
Чернивших белый свет.
Я должен ненавидеть их,
А ненависти нет.

Есть жажда жизни и весна,
Есть радость наконец:
Ведь это кончилась война!
Придёт домой отец!

СОЛДАТ

Плывут обочиной луга,
И небосвод плывёт.
Служивый одолел врага,
Теперь домой идёт.

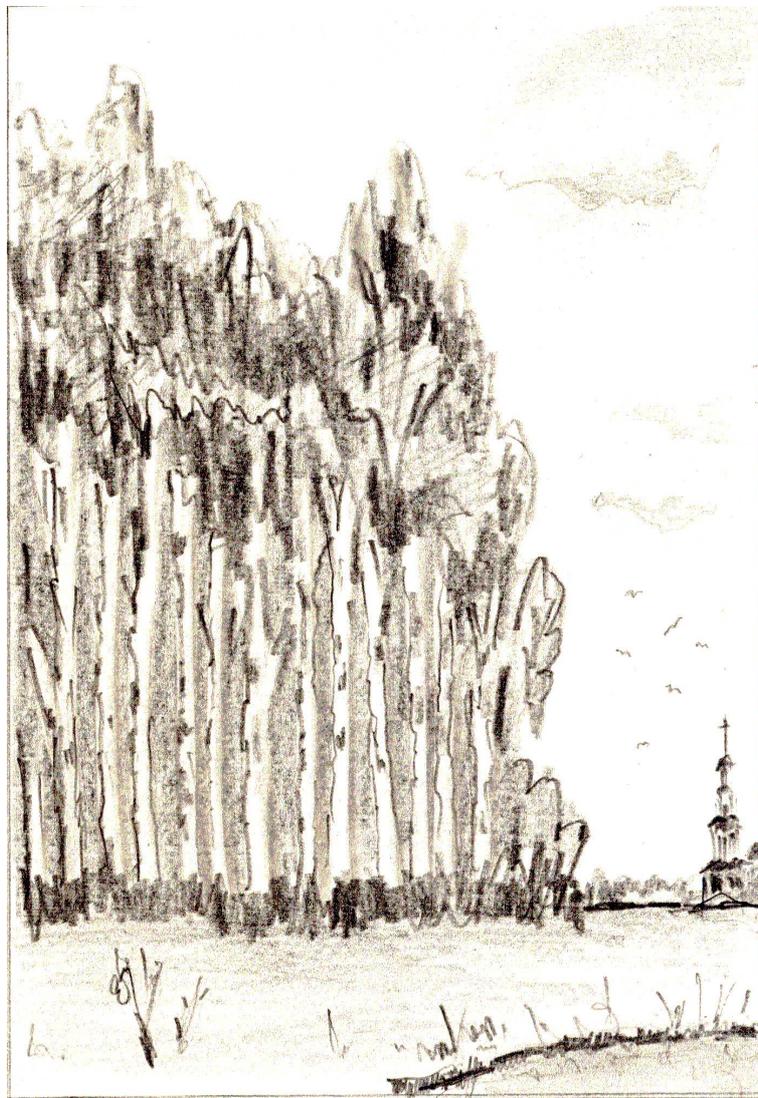
Грудь, как положено, в крестах,
В кармашке – василёк.
Горчит улыбка на устах,
А путь ещё далёк.

И ветра вой ему знаком,
И тихий ропот звёзд.
Ладонь приладив козырьком,
Глядит за тыщу вёрст.

Сползает тень с его лица,
Уходит прочь война –
Ждёт у родимого крыльца
Красавица жена.

ПО РУССКОЙ ДОРОГЕ

Проваливаясь в ямы,
Шатаясь и скользя,
Бредёшь вперед упрямо –
Назад уже нельзя –
Туда, где сроду не был,
Ведом своей судьбой.
По-матерински небо
Склонилось над тобой.
Куда ни глянешь – воля,
Куда ни ступишь – грязь.
И любишь это поле,
Рыдая и смеясь.

* * *

Как на дежурстве,
 бодрясь через силу,
кажется: вот упадет,
Время раздумчивым
 центром России
тяжеловесно бредёт.
Здесь у мгновений
 разбег черепаший,
в душах осенний покой.
Завтрашний день
 повторяет вчерашний, –
на эти хаты, дороги и пашни
Время махнуло рукой.

ИДЕАЛИСТ

- Счастье где-то за морями... -
Сколько лет уже тому,
Как густыми вечерами
Пела бабушка ему.

Добредя до края света,
Переплыв пятьсот морей,
Убедился – счастья нету,
Но ничуть не стал мудрей.

За спиной последний берег,
Не приветивший мечту.
В сказки бабушкины веря,
Он ступает за черту.

Всё яснее песню слышит
И уже не держит слёз.
Ветер дружески колышет
Гриву пасмурных волос.

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

ДОРОГА

Не покидай, судьба, дорогу,
где каждый камешек знаком,
которой - к другу, к слову, к Богу –
шагаю с тощим рюкзаком;
где обочь – яблони да вишни,
где зыбок полог тишины,
где незатейливые вирши
мои кому-то да нужны.
Пускай над ней теснятся ветры,
пусть я усталый и в пыли,
её хромые километры,
доколе можно, дли и дли.
Не верь досужему совету –
мол, есть и лучшая тропа,
не покидай дорогу эту,
моя строптивая судьба.

**Обязательный
минимум
личной свободы**

МУЗА

Прекрасна в любом проявлении,
Лукава, в общении легка,
Как быстрое прикосновение
Случайного мотылька.

В прозрачном свечении вижу
Её моментальный изгиб.
Хотел познакомиться ближе,
Погнался за ней и погиб.

ИЛЛЮЗИЯ

Голова моя легка:
Ветер, небо, облака,
Бормотанье ивняка,
Лодка, парус да река.

Два размашистых гребка,
И мечта уже близка –
Светлый замок из песка
Для меня, для чудака!

КРУГЛОЕ

В поле ветром округлен,
Человек ступил на склон.
Мысли в круглой голове
Перекатывались две:
Почему Земля кругла –
Ни единого угла?
Почему из года в год
Время по кругу идет?
Понял круглый сирота:
Жизнь дальнейшая пуста.
И с горы, как мячик, он
Покатился под уклон...
Никого. Лишь ветра стон,
Да квадратный крик ворон.

ЛУНАТИК

Отчетливо видимый снизу
На фоне пятнистой луны,
Лунатик идет по карнизу
И смотрит чудесные сны.

Луна его светом ласкает,
Любой поощряя каприз.
Счастливым лунатик не знает,
Что кончился узкий карниз.

Проснется и вспомнит едва ли
Ночной дерзновенный полет –
С рождения в полуподвале
Тихонько лунатик живет.

ПРИЯТЕЛЬ

В былом амбициозен –
За что частенько бит, -
На жизнь Серега Козин
Со стороны глядит.

Вперед не забегают,
Не ворошит быльё,
Лишь скупое подтверждает:
- Что было, то – моё.

Плывет в толпе неспешно,
А кажется – над ней,
И профиль его грешный
Чем дальше, тем видней.

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту –
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугунной ограды
встречаясь.

Небо сырое висит в ожидании солнца,
кажется, свистни –
и вниз оно тотчас сорвется.
Сплющит в лепешку
своей многотонной громадой
мир,
окруженный ажурной чугунной оградой,
мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не будет...
Всё же я рад за себя и того идиота –
есть у нас общее:
есть у нас дом и работа,
краешек неба, где каждое утро восходы,
и обязательный минимум личной свободы.

В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ

Ряды суровых кресел,
Как войско на плацу.
Здесь, если кто и весел,
Не видно по лицу.

В ладонях чуя жженье,
Доверчивый народ
Готов начать движенье
Под лозунгом «Вперед!..»

На кумачовой ткани
Отчетлив каждый слог.
Пальбой рукоплесканий
Растрескан потолок.

СПЛЕТНИК

Побродил вдоль коридоров,
Сделал у окна привал
И обрывки разговоров
По карманам рассовал.

Смял натруженное ухо
О плечо и вытер пот.
Ах, какой из этих слухов
Завтра сварит он компот!

РАБОТЯГА

Сам себе не зная цену,
Слободскою стороной,
Отработав честно смену,
Он идет слегка хмельной.

Смысл и в жизни, и в работе
Видит он издалека.
Зависает на отлете
Тяжеленная рука.

Дома ждут кормильца дети,
Мать, отец, жена с борщом,
И за пьянку на две трети
Ими он уже прощён.

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить – разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках.

На море и на суше
В любых делах мастак.
Он даже бьет баклуши,
Отнюдь, не абы как.

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжелым,
И не удержишь слёз.
Папёрть метет подолом,
Что-то бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

ИКАР

Я завидовал птицам с детства:
Только птица парить могла
И в высокое небо глядеться
С расстояния в полкрыла.

Возмещая нехватку роста,
Вверх тянулся, что было сил.
Наконец, из пера и воска
Изготовил подобье крыл.

И взлетел.
И достал до солнца.
И упал.
И повержен ниц...
В небе слава моя несется
Впереди быстроекрылых птиц.

ФИЛОСОФ

Он затаился, как паук,
Раскинув сеть сомнений,
Неосязаемых наук
Неутомимый гений.

С окраин разума стеклись
Огни идей случайных.
Трепещет пойманная мысль
На нервных окончаньях.

Смертельно мысль напряжена,
На лбу дымится иней.
Несокрушима тишина
Над мировой пустыней.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Адептом самых строгих схим,
Живёт старик репей.

Упряма, колючим нравом крут
И в зной, и в холода,
Корнями в выветренный грунт
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

ПОСОХ

В зоревых, тяжелых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
- Бродит в поисках опоры,
Твердой, праведной руки...

БОГАТЫРЬ

Беспутный сын эпохи
Лежит на мостовой –
Уже подвел итоги,
Но всё ещё живой.

Разбросаны ладони
В иные времена.
В нечеловечьем стоне
Надежда не слышна.

Но скоро, очень скоро
Слетит похмельный сон,
И он своротит горы,
Бесстрашен и силен!

МУРАВЕЙ

Не поднимая головы,
Через песчинок горы,
Через высокий лес травы,
До дальнего забора
Нести ответственную кладь
Доверено трудяге,
И значит, будет он шагать,
Твердя при каждом шаге:
- Чтоб коллектив не подвести,
Умру, но груз не брошу...
Полно опасностей в пути,
И парень он хороший!
Но жизни всей великий труд –
И нынешней, и прошлой –
Через четырнадцать минут
Погибнет под подошвой.

ПРАДЕД

Шел за идею, за народ
И с песней, и без оной.
- Такого пуля не возьмет!.. -
Сказал о нем Буденый.

И точно, цел и невредим
С войны домой притопал.
Вошла эпоха вслед за ним
В село под Конотопом.

И проливал он трудный пот,
В колхозе был заметен.
Не пережив голодный год,
Скончался в тридцать третьем.

ТАРАКАНЬИ БЕГА

Старт – задиристо и звонко –
Подхлестнул течение дня,
Началась большая гонка –
Суета и беготня.

Локоть к локтю,
Волей взмаха
Направляющей руки...
Большинство бежит от страха,
Остальные от тоски.

И дорожку не покинешь, -
Стерегут со всех сторон...
Впереди маячит финиш,
Но никто не чемпион.

ОКОНЧАНИЕ БАЛА

Веселье сходило на нет.
Но гости ещё не зевали,
Ещё на столы подавали,
В обильно потеющей зале
Ещё петушился кларнет.
Ещё кисловатый шербет
Недолго держался в бокале,
Ещё полутени мелькали
В настенном зеркальном овале...
И всё же по ряду примет
Веселье сходило на нет.

ГЕНЕТИКА

Что-то в сыне от отца.
Равнодушная ленца,
Говорю, что скрип дверной –
Поработал ген дурной.

Перенял сынок, кажись,
И обидчивость на жизнь.
И промашки без конца –
Это тоже от отца.

Но возьмётся за гармонь,
От плеча рванёт её...
Тут родителя не тронь,
Тут у парня всё своё!

В КОМАНДИРОВКЕ

Остывает пожар объятий.
Удрученно глядит луна.
Возлежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена.

Добивает будильник старый
Свой, быть может, последний час.
Небо вяло грозит карой
И прощает в который раз.

А в природе царит истома –
Дело явно идет к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.

ХУДОЖНИК

Он работал до изнеможенья,
Душу вкладывал в полотно.
По ночам, чтобы снять напряженье,
Пил без меры плохое вино.

Пробуждался с гримасой сатира,
До холста добирался ползком,
Утверждал незаконченность мира,
Всё меняя последним мазком.

Незаметно, как все одиночки,
В откровенно дождливый четверг
Наш художник допился до точки.
И ушел.
И себя опроверг.

Завершенность реального мира
Воплотилась в пустой мастерской
В недопитой бутылке кефира,
Нарисованной слабой рукой.

ПЕЙЗАЖ

Охотничий домик, затерянный в чаще.
Поляна, не знавшая сроду косы.
В зеленой ладони слезинка росы –
Лопух, по-хозяйски у двери торчащий.

Застыл березняк, белым светом пронизан.
Упругие тени на нет сведены...
А слева и справа и сверху, и снизу –
Унылая краска больничной стены.

ПОРТРЕТ СТАРЕЮЩЕЙ ДАМЫ

Заплета узлом колени,
Оттопырив локоток,
Ждет от скуки исцеленья,
Томно глядя на восток.

Полог неба серебрится,
С губ слетает ворожба:
«Хоть бы нищего, но принца
Подарила мне судьба!
Ох, уж я бы расстаралась
В широте души своей,
Лишь бы был хотя бы малость
Благородных он кровей!..»

Но вдали не видно друга,
И опять тоска, тоска...
Приходящая прислуга
Крутит пальцем у виска.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА

Лет десять уже, как она овдовела,
А вот, погляди-ка, еще хороша -
Неистойвой страстью осеннее тело
Терзает весенняя напрочь душа.

Замазав кокетливым гримом морщины,
Летит на свиданье быстрее молвы...
Былые подружки уже сообщили
Избраннику возраст веселой вдовы.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
Торопливо стирает белье,
Объявляет войну тараканам
И проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
Как в период страды тракторист,
И заглатывает сериалы,
Поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
Не надеясь, что тот зацветёт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
Угловато плечами пожмёт.

ОДИНОЧЕСТВО

Танюхе

Вновь за окошком слякоть,
Серых дождинок вязь –
Повод неслышно плакать,
От дочерей таясь.

Старый жених отвергнут,
Новый – как младший брат.
Тлеет в бокале вермут.
Карты любовь сулят.

Глаз синева хмельная
Вылакана до дна.
Всё на пути сминая,
Снова грядет весна.

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

В старом кресле уснула Оксана,
Светлый локон упал на плечо.
Синий томик новелл Мопассана
Не остыл от событий ещё.

Как же книжная жизнь интересна!
И во сне губы шепчут: «Mon chere...»
В струнку вытянулся у кресла,
Как недремлющий стражник, торшер.

РАЗЛАД

Звезды под утро припухли.
Шорохи вязнут в тиши.
Ссорятся молча на кухне
Две забубенных души.

Может, всего-то и надо:
Просто друг другу помочь
Вспомнить причину разлада, -
Вдруг и закончится ночь?

...День в палисаднике вызрел.
Оба признали вину.
Вздых облегченья, как выстрел,
С треском порвал тишину.

ЛЮБОВЬ

Страсть уходит.

Остаётся

Ровный круг тепла и света –

Будто ласковое солнце,

Будто добрая примета.

Пониманье с полужеста,

Молчаливая порука

И спокойное блаженство

От присутствия друг друга.

Лик Николы-чудотворца

И чертополох над дверью...

Страсть уходит.

Остаётся

Радость полного доверья.

* * *

Картина мира такова:
Внизу – зелёная трава,
Вверху – свод неба голубой,
А между ними – мы с тобой.

Наискосок – течёт река,
На заднем плане – тёмный лес.
А мы стоим – в руке рука,
И между нами – интерес.

ЖЕНЩИНА ПЛАЧЕТ

Женщина плачет безмолвно, устало,
Неутешимо и жалко,
Может, любимая брошка пропала
Или завяла фиалка?

С тихим шуршанием на подоконник
Падают рыхлые тени.
Будто урока незнающий школьник,
Мнется мужчина в смятенье.

Женские слезы всегда что-то значат,
И потому для мужчины
Хуже всего, если женщина плачет,
Не объясняя причины.

ОДИНОКОЕ СЧАСТЬЕ

Темно в квартирке Надиной,
Лишь тени на стене.
Сынок, в капусте найденный,
Агукает во сне

Игрушки поразбросаны
По пестрому ковру.
На кухне сохнут простыни
И высохнут к утру.

Над крышей снова аисты.
Эх, дочери-сынки!..
И Надя с тихой радостью
Стирает ползунки.

Жаль, нету обручального
Колечка на руке.
А тишина над спальнею
Висит на волоске.

* * *

Женщина глядит издалека
На леса, поля и облака.

На моря и горные луга
Женщина глядит издалека.

И вмещает всё это шутя
В безмятежно спящее дитя.

* * *

Я не знаю,
Много ль мне от жизни надо.
Жаловаться, вроде бы, и грех:
Есть жильё – и то уже отрада,
В нем живет прозрачный детский смех.
В нем живут падения и взлёты,
Радость – другу, ненависть – врагу,
Разные по тяжести заботы, -
Бременем назвать их не могу.
Каждый новый день запоминая,
Я не тороплюсь судьбу прочесть.
Много ли мне надо? Я не знаю.
Может, то, что было и что есть.

* * *

А может, в том и правда золотая:
Смотреть со стороны и видеть, как
Последний лист, с озябших крон слетая,
Полетом наслаждается, чудак.
И слать ему вослед благословенье:
Так, мол, и надо, брат, давай, держись!..
Вцепившись в откровение мгновенья,
Ты утверждаешь истинную жизнь.

* * *

Сколько отмеряно, так ли уж важно –
Я не обижен судьбой.
В детстве запущенный голубь бумажный
Тащит меня за собой.
Белое небо, земля голубая,
Чередование дней.
Сердце тревожит дорога любая,
Встреченный каждый на ней.
Я забираюсь на горные кручи,
Лезу в колодцы без дна
И понимаю: какой я везучий –
Жизнь мне Всевышним дана!
Солнцем и ветром спаленною кожей
Чувствую соль бытия,
Знаю, что истинный промысел Божий –
Это, отчасти, и я.

***Дети делают
скворечник***

НА КАТКЕ

Ах, сегодня стремителен лед!
На таком не свалиться сумеи-ка:
Только встанет – опять упадет
Нацепивший «канадки» Андрейка.

Пацаны, что постарше, кричат:
- Эй, сопливый, катился бы к маме!
- Ишь, нашелся какой акробат!
- Тут – хоккей! Не вертись под ногами!..

Не поймут, что ему только шесть.
Не хотел он мешать им сражаться.
И при том, забывают учесть:
С клюшкой легче на льду удержаться.

Не сдается отважный малыш,
Вдоль катка ковыляет упрямо:
- Что ты, мама, со страхом глядишь?
Я умею почти уже, мама!

МОРЖИ

Нам с приятелем закалка
Позарез была нужна, –
Лед разбив на луже палкой,
Мы плескались до темна...

Удивляюсь непрестанно,
Что с ангиною лежу –
Простужаться не пристало
Мне, завязтому моржу.

Чай с малиной пью на ужин
И почти уже здоров.
Игорьку в больнице хуже
Под надзором докторов.

ПРИБОЛЕВШИЙ

Я с утра с температурой –
Тридцать восемь и одна,
Потому сижу я хмурый
У морозного окна.

Во дворе Серега с Мишкой
Лепят снежный бастион.
Я с термометром под мышкой
Им, наверное, смешон.

Проглочу сейчас микстуру
И опять пойду в кровать.
А спадет температура, –
Выйду крепость штурмовать.

ВЕРБА

Рано верба распушилась,
Будто чудо совершилось.
Жаль нарядную её –
Март ещё возьмёт своё.
Но пока теплы денёчки,
С нашей, южной, стороны
Звонко лопаются почки
Первой вестницы весны!

К СТОМАТОЛОГУ

Дед ведёт меня к врачу,
Я встревоженно молчу.

Я сейчас похож на бомбу:
Только тронь – взлетит весь мир!
Если мне поставят «пломбу»,
Как я буду есть «Пломбир»?

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
- Не таскайте,
 пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Как представленный к награде,
Я стою, расправив грудь, -
Из Москвы приехал дядя
На недельку отдохнуть.

Незнакомых войск полковник
Или даже генерал,
Прежде чем войти, о коврик
Долго ноги вытирал.

Дядя снял парадный китель,
Тапки старые достал...
И столичный важный житель
На отца похожим стал.

УРОК

*Татьяне Алексеевне Сидоровой,
учительнице литературы*

Татьяна Алексеевна,
Влюбленная в предмет,
Глядит на класс рассеянно,
Как будто класса нет.

Она – Татьяна Ларина,
Любовь ее светла.
Мятежная испарина
На чистый лоб легла.

Отброшены сомнения,
И пишется само
Беспечному Евгению
Любовное письмо.

И мы сидим притихшие,
На нас из-за окна
Глядит глазами-вишнями
Серьезная весна.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

«Ты должен выучить урок...» –
Легко сказать...

 Что делать, если
Шестнадцать лермонтовских строк
Не лезут в голову, - хоть тресни!?

И как им влезть-то, если в ней
Всего и так набито столько:
Велосипед, футбол, хоккей,
«Битлы» и Курочкина Оляка?

Зубрю, но как по колдовству,
Запоминаю только точки.
Жаль, но о том, чем я живу,
Не написал поэт ни строчки.

КУКЛА МАРИНА

В детской протяжно вздыхает перина,
Дремлет, намаявшись за день, душа.
Желтоволосяя кукла Марина
Ходит по комнате, платьем шурша.

Платье ажурное и кружевное –
Будто бы пенный застыл водопад.
Кукла Марина не знает покоя,
Куклы ночами обычно не спят.

Вот и гуляет она по паркету,
Меряет ночь от угла до угла,
С каждым шажком приближаясь
к рассвету...
Чтоб не шуметь даже туфли сняла!

ТРУБАЧ

Играет мальчик на трубе:
От напряженья бледен.
Малыш противен сам себе,
Тем более – соседям.

А за окном гоняют мяч
Мальчишки без заботы.
От огорчения трубач
Перевирает ноты.

«Несправедливая судьба!..» –
Он думает устало.
Звенит обиженно труба
Почти на три квартала.

ДВОРОВЫЙ ФУТБОЛ

Должно быть, случилось неладное с нами:
Дворовый футбол позабыт пацанами...

А в нашем дворе ещё знают ребята,
Как кожа трещит под соленым загаром,
Как мячик вколачивать в рамку заката
Почти по-стрельцовски крученым ударом.

Под вопли и ругань рассерженных тёток –
Белью достаётся и стёклам оконным –
Финтит детвора, не жалея подмётки,
Послушна одним лишь футбольным законам.

Какие там бутсы?!

Вьетнамские кеды
Мелькают стоного в отчаянной рубке.
И так до темна, до счастливой победы,
Которой не стоят медали и кубки...

Едва ли игра эта будет забыта,
Покуда последних мячей не забито.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
Володька Рыжий, дворничихин внук,
Схватив за шею радугу тугую,
Над головою чертит полукруг!

Широкий веер радужных осколков
С шипением врезается в газон.
А мы поодаль, хмурые, поскольку
К Володьке подходить нам не резон.

Штанины клёш – такая нынче мода,
Под синяком сверкает хитрый глаз...
Что говорить, он старше на три года,
Почти эпоха разделяет нас!

ДОЖДИК

Дождик летний, легкий, теплый
Вдоль по улице идет:
Озорно стучит по стеклам,
Хороводит у ворот.

Отшумел шальным бродяжкой,
А немного погодя,
День горячей промокашкой
Промокнул следы дождя.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Две березы,
Три ольхи –
Чем тебе не роща?
Городские петухи
Деревенских проще:
И встают не до зари,
И певцы – не очень.
Вяло козы –
Целых три! –
Бродят вдоль обочин.
Черно-белая коза
(Это наша Машка)
Пялит умные глаза
На многоэтажку.
Понимает: не вернуть
Сытой сельской доли,
И пытается боднуть
Почтальоншу Олю.

ОХОТНИК

Из сарая вылез боком,
Поправляя патронташ,
Обозрел суровым оком
Окружающий пейзаж.

За плечо закинул “тулку”,
Став краснее кирпича,
И побрел по переулку,
Еле ноги волоча.

Усмехнулся дед Никола:
- Глянь-ка, вылитый отец.
Через год поступит в школу –
То-то будет удалец!

РЫБАКИ

Как большие рыбаки,
Тяжело идем с реки.

Просидели день не зря:
У меня три пескаря;

Два ерша у Игорька,
И карась сошёл с крючка;

Целых пять плотвичек Глеб
Наудил на белый хлеб;

Всех удачливей Васёк –
Он подлещика подсёк.

А Володька слишком мал –
Головастика поймал.

НА КОНЕ

Правлю верною рукою,
Небо встречь летит.
Слышен даже за рекою
Дробный стук копыт.

На ветру дымится грива,
Сладок каждый вздох.
На лице улыбка криво:
Ужас и восторг!

Врассыпную – скирды, копны,
Гневный агроном.
Урагану мы подобны –
Конь и я на нём!

ЗВЕЗДА

Вот это да!
Вот это да:
В ведре с водой
Дрожит звезда!
Беда!
Промокшая звезда
Сейчас
Погаснет навсегда!
А я спасти её могу
И в сад
С ведром воды бегу –
Я воду выплесну под куст,
Звезда летит на небо пусть!

НОЧНОЕ

Из душистого сена постели,
Хоровод молчаливых теней,
Неожиданный крик коростеля
И пугливые всхрапы коней.

А под утро – туман по колено,
В нем купаешься, будто в воде.
Догорающее полено
Салютует сгоревшей звезде.

ВОЗДУШНЫЙ ПРАЗДНИК

- В нашем небе - и такое!..

По деревне толк:
Разместился за рекою
Парашютный полк.

К небу вскинутые лица,
Нараспашку рты:

- Как возможно приземлиться
С этой высоты!?

Даже взрослым не до шуток,
Холодок в груди:

- В небе алых парашютов –
Сосчитай, поди.

Мелко крестятся старушки,
Квохчут: - Чур, меня!..
Сдвинув кепки на макушки,
Стонет ребятня.

Пацаны в решеньях быстры:
Над рекой обрыв –
И летят парашютисты,
Зонтики раскрыв!..

Что же, что набили шишек –
Это ли беда?
Нынче стала для мальчишек,
Ближе высота!

СКВОРЕЧНИК

Просто так,
Без планов встречных
И высокой болтовни,
Дети делают скворечник,
Очень заняты они.

Тут, понятно, навык нужен, -
Вот, ножовка пилит вкось.
Молоток уже послушен,
И почти не гнется гвоздь!

Игорёк, Олег и Петя
От усердия красны...
Так, наверно, только дети
Могут быть увлечены.

ВОСПОМИНАНИЕ

Звон полуночных яблок,
Падающих с небес.
Столик, присевший набок,
Прячется под навес.
В озере лунным бродом
Тянется в детство нить...
Я ли отсюда родом?
Мне ли и впредь здесь жить?